

Каменная Могила как ритуально-культовый комплекс

Каменная Могила — очень сложное явление. Разумеется, можно допустить, что каждая ее отдельная ячейка, будь то грот или пещера, функционировала самостоятельно и независимо от других и что все эти ячейки не были связаны друг с другом ни пространством, ни временем совершения ритуальных действий. Но все же возникает вопрос о возможном единстве всего организма, хотя отдельные его элементы-помещения и могли на разных этапах истории выпадать из общей функции. Например, Грот Колдуна мог начать функционировать еще в эпоху палеолита, когда других святилищ не было или они, быть может, еще не образовались под действием природных сил. Но со временем добавлялись и новые группы — например, Северное и Северо-Восточное святилища — и получали особые акценты какие-то иные структуры. Могло ли так быть в действительности? Ведь если Каменная Могила едина — как отмеченный уже давно образ мировой горы, то априори должны были наделяться единством функций и отдельные ее элементы. Дает ли для реконструкции такой идеи сам памятник существенный материал? Могут ли помочь в этом дешифрованные тексты? Хотя почва и очень зыбка, попытаемся наметить некоторые пути для решения этой проблемы. Начнем с самого позднего и одного из самых больших ритуальных звеньев Каменной Могилы — Грота Быка.

Святилище Грота Быка

Грот Быка назван по местонахождению в нем того удивительного изображения животного, в котором В. Н. Даниленко и О. Н. Бадер пытались видеть мамонта, тогда как другие твердо настаивали на изображении быка¹. За быком осталось последнее слово, хотя впоследствии В. Н. Даниленко все же удалось найти на Каменной Могиле и мамонта². Его прозорливость предвосхитила будущее. Современное состояние памятника в целом таково, что реконструировать первоначальную функцию его святилища очень трудно³. Уже М. Я. Рудинский, первым занявшийся такой работой, испытывал в ее процессе большие трудности⁴. К чему относились упавшие и лежащие теперь далеко от гребня холма плиты? Были ли они частью той или иной ритуальной структуры? Работа эта практически неверифицируема, поскольку все расчеты и прикидки могут быть лишь умозрительны-

ми: сдвинуть плиты или вернуть их на старые места невозможно⁵. Из всех святилищ, существовавших некогда в гротах и пещерах Каменной Могилы, Грот Быка был, очевидно, одним из самых значительных⁶. Прежде всего возникает вопрос о его ориентации.

Расположение плит песчаника, когда-то примыкавших к Гроту Быка, а потом расползшихся к северному (плита № 10)⁷ и западному (плиты № 11⁸ и № 12)⁹ склонам Каменной Могилы, дает возможность определить, что и грот № 51¹⁰, находившийся в том же конце холма, был как-то связан с Гротом Быка. Самая отдаленная плита с упавшей вершиной, № 29, находится на расстоянии 70 м от него¹¹, а плита № 23 — на расстоянии 35 м, как бы на границе двух святилищ — Западного Грота и Грота Быка¹². Если так, можно думать, что граница святилища фланкировалась, как дольменами, плитами-«аркой»¹³ (к ним принадлежала плита № 29 — ‘Медведь с Лирой судит’). Любопытно, что еще один «тотемный» медведь значился в глубине Северного Грота, у самого вишана ‘Сиары’¹⁴. Эти два ‘медведя’, несомненно, должны были быть связаны между собой. Как — пока неизвестно. В Гроте Быка «дольмен» с надписью ‘Медведь’ должен был стоять вне святилища на расстоянии 35 м от входа. Все это говорит, на мой взгляд, что плита № 29 не случайно упала, а пребывала примерно на месте своего первичного нахождения. Она не могла столь далеко съехать по песку, по ровной плоскости ни под давлением иных плит, ни самопроизвольно.

В древнейшей надписи Грота Быка (№ 7)¹⁵ даны сведения, положенные, с одной стороны, в основу надписи № 6 того же Грота¹⁶, а с другой — в основу панно плиты № 29¹⁷. Их разделяет расстояние в 70 м, что кажется неслучайным, ибо эта дистанция равна двойной длине Грота Быка (35 x 2 м). Вспомним, каким глубоким смыслом обладала магия чисел для первобытных людей. Забегая вперед, отметим, что и соотношение глубин трех крупнейших святилищ Каменной Могилы тоже находится в неслучайной связи. Северо-Восточное имеет глубину 12 м, Северное — 24 м, Западное святилище Грота Быка — 36 м. Получается пропорциональное соотношение — 1: 2: 3.

Юго-Западное святилище Грота Быка — святилище «дольменов». Оно должно было состоять из упавших плит № 28, 25, 27 и 26 (последняя была ближе других к «грибу» Каменной Могилы)¹⁸. Другая его часть, составленная плитами № 43, 33, 32 и 31¹⁹, относилась к дальней части этого комплекса, имевшего длину около 48 м. Дальний конец святилища ориентирован на воображаемую траекторию восходящего солнца в день летнего солнцестояния²⁰. Она проходила через «руку» камня, в котором нам виделся образ шумерского однорукого воина (№ 51), и через «женскую грудь» на другой стороне

Каменной Могилы. Другой конец освещался лучами уже взошедшего солнца, проникавшими через неизвестно когда образовавшееся «кольцо» на вершине Каменной Могилы, практически в центре холма²¹. Это отверстие функционально входит в образ коленопреклоненной, словно молящейся женской фигуры.

К юго-востоку от панно № 34 ('освобождение Энлиля')²² вплоть до Восточного (подземного) Грота с плитой № 48/а-№ 37 ('заключение Энлиля')²³ через центральный Грот Колдуна (№ 52) простиралось новое святилище в 60 м длиной²⁴. Таким образом, пропорциональное соотношение размеров святилищ, исходя из их глубины, нарастало в прогрессии 0: 12: 24: 36: 48: 60 м. Графическое изображение плана названных святилищ Каменной Могилы дает знак , определяемый по-шумерски как RI, *inanna* 'Инанна'.

Вторая половина этого любопытного плана-знака имеет одно усложнение. Внутри его между плитами № 60 и № 54–52 заключается треугольник святилищ²⁵ размером 10 x 13 x 16 м. Эти святилища совсем особые: в них хранились каменные таблички²⁶. Треугольный участок горы должен был связываться с судьбой солнечного бога (по крайней мере, в период VII–IV тыс. до н. э.), коль скоро он определял направления захода и восхода солнца в дни летнего солнцестояния²⁷. На одной из женских статуэток позднего Чатал-Гююка изображен с одной стороны знак RI 'Инанна', с другой — dar '(Нин)дар'. Обозначены их действия: они совершают 'суд' (kud) и 'завязывают' (lal) нечто²⁸. Любопытно, что если к плану-знаку святилищ добавить упомянутый символ-треугольник, то получится новый знак , образующий идеограмму dar 'Козерог'. 'Козерог' был одной из важнейших фигур и в культуре Шумера²⁹, и в дешифрованных надписях Каменной Могилы³⁰. Образ богини-totema, Инанны-Козерога, очевидно, пронизывал собой весь комплекс Каменной Могилы. На всякий случай необходимо иметь это в виду при реконструкции тех пяти святилищ с северной оконечности холма, о которых уже шла речь.

Внешний вид первых двух, Северо-Восточного и Северного, об разно осмыслен в виде передних лап какого-то животного — очевидно, тотемного существа. Возможно, имелся в виду именно Козерог. Между его ногами в день летнего солнцестояния мог проходить первый луч восходящего солнца³¹. Задние ноги тоже отмечены «солнечной» метафорикой. Конец задней левой ноги был точкой, связанной с направлением заходящего солнца³². Косвенные наблюдения, нуждающиеся в серьезной проверке, все же позволяют думать о связи пяти святилищ с ритуалом и культом солнечного бога. Это любопытно, поскольку содержание надписей внутри данных святилищ могло быть связано с культом луны³³.

Комплекс пяти святилищ был сравнительно ранним — очевидно, самым ранним на Каменной Могиле. Он должен был существовать еще до Чатал-Гююка, то есть до середины VII тыс. до н. э. Основанием для такого заключения являются следующие факты: в Гроте Быка находится древнейшая надпись холма (№ 7), в расположеннном рядом Гроте Козы (№ 60) хранится также древний архив каменных табличек³⁴. Таблички имелись еще в двух гротах северной и центральной частей Каменной Могилы — Гроте Колдуна (№ 52)³⁵, расположенным в 16 м к югу от Грота Быка, и в Гроте Чулинг³⁶, удаленном от него на 10 м к юго-западу. Вообще, эта часть холма исключительно ритуально насыщена и далеко превосходит то, что находится в этой части Каменной Могилы. По предварительным предположениям, эти святилища могут датироваться XII—X тыс. до н. э.

Северное и Северо-Восточное святилища сходятся под острым углом к Гроту Быка. Первое, длиной 24 м, судя по надписям, повествует о пресуществлении семени и тайнах ‘зерна’. Второе содержит текст о Ниндаре из Бездны, исходе Утуапиля и ‘Суде Воды’ (№ 50). План святилищ, учитывая Грот Быка, составляет гигантский знак KUD ‘суд’, ‘судить’. К нему присоединяется выявляемый южнее, тоже гигантский знак А, состоящий из комбинации двух черт длиной в 16 и 10 м. Лигатура А-KUD означает ‘Суд Воды’ — главное на Каменной Могиле ритуальное действие³⁷. Возможно, до середины VII тыс. до н. э. весь комплекс пяти действующих святилищ объединялся этим понятием. Все проходило под знаком таинственного ‘Суда Воды’.

Каким образом объединялись в комплекс все глубинные пространства? Думается, они объединялись реально совершившимся ритуалом — одним из праздников того времени, связанным, очевидно, и с лунным, и с солнечным календарем (о звездном тоже нужно думать, но реконструкция такого рода сейчас нам недоступна). Пока складывается впечатление, что основной элемент праздника, священная процессия, собирался у Грота Колдуна (№ 52) и у Грота Чулинг (№ 54) — хранилищ древнейших ритуальных письмен на табличках. Траектория ее движения образовывала графически знак шумер. А ‘вода’. Затем процессия направлялась в Грот Козы (№ 60) и Грот Быка (№ 9), и уже от них следовала к Северному и Северо-Восточному святилищам. Выход ее мог ожидаться у плиты № 50 (с надписью А-KUD ‘Суд Воды’) близ реки Молочной. Река, конечно же, играла исключительную роль в ритуальных действиях, и сама ‘вода’ могла быть именно водой реки Молочной.

Вероятно, несколько позднее, с конца VII тыс. до н. э., оформились другие святилища, отмеченные знаками RI ‘течь’ (не относилось ли это также к ‘Суду Воды’?), или ‘Инанна’ (под которой могла подразумеваться первобытная водная богиня-змея)³⁸, а в дальнейшем,

с «треугольником» архивов, внешне выражались через знак dar 'Козерог'. На уже упоминавшейся статуэтке богини из Чатал-Гююка³⁹, кроме указанных A-KUD и RI, был еще и знак DAR, небезызвестный и для жителей Центральной Анатолии. Видимо, 'Суд Воды' принадлежал к широко распространенным древним ритуалам, мыслимым как космогонический процесс разрушения и созидания мира (и людей) из хаотической водной стихии.

Западное святилище Гrotа Быка

В последние годы Б. Д. Михайлов установил, что до появления (в VII тыс. до н. э.) святилища Гrotа Быка (№ 9) особое значение имел Гrot № 59, находящийся всего в двух-трех метрах к западу от входа в Гrot Быка. Гrot № 59, судя по надписям, был посвящен богу грозы Ишкуру и богине зерна Ашнан. После гибели этого грота его надписи были перенесены в Гrot Быка и там укрыты в тайнике при входе⁴⁰. Время существования Гroта № 59, как кажется, синхронно периоду функционирования надписи № 7 на одном из сталактитов Гroта Быка (№ 9). Этот период условно можно назвать эпохой существования единого святилища A-KUD 'Суда Воды' на Каменной Могиле. Образование святилища «Четырех» в Гроте Быка, относимое примерно к VII–VI тыс. до н. э., ознаменовало трансформацию культового комплекса A-KUD в комплексы RI и DAR(A).

К сожалению, текст панно № 59⁴¹, принадлежавший древнейшему протохраму этого локуса, пока не прочитан. Не дешифрованы и близрасположенные панно № 58⁴² и № 57⁴³ с их архаичнейшей «макаронной» письменностью. Не прочитано и очень сложное панно № 51/в – единственное, которое мне посчастливилось видеть в пещере в 1994 г. в оригинале. Я уверен, что это редкостный письменный текст, подписанный писцом. Этую подпись мне удалось разглядеть: rab-ëš,-nipp. В данном гроте и были найдены изображения носорогов и мамонтов, которые так нужны были В. Н. Даниленко – да и всем нам теперь – чтобы доказать «на фактах» глубокую древность памятника. Входящие в этот круг панно № 11⁴⁴ и № 12⁴⁵ тоже пока не дешифрованы.

Разумеется, такое состояние осложняет понимание функции грота и всей истории формирования культа в ту эпоху. Это касается прежде всего ближней к выходу части Грота Быка; аналогично обстоит дело и со средней его частью, к которой принадлежат непрочитанные и весьма обширные панно № 13⁴⁶ и № 14⁴⁷. Они находятся на плитах, упавших с северо-западной стороны. Находившееся рядом панно № 15/16⁴⁸, в юго-западной стороне, отнесено к Гроту Собаки. Мало что говорит прочитанный знак еп 'владыка', начертанный на панно № 41⁴⁹ из этого комплекса (панно принадлежит упавшей плите).

Однако кое-что определенное можно сказать о третьей части помещения Грота, расположенной у входа в него. Здесь начертаны, как мне сейчас представляется, декреты Аимдугуда — последнего «шумерского» царя (№ 17 и № 19), а также вотивная надпись царицы Салькаламдуг (№ 23), которая, находясь среди непрочитанных панно № 18, № 22 и № 20, все же дает возможность судить о посвятительно-декретивном характере текста.

Все сказанное позволяет очертировать границы моей настоящей задачи как предварительного изыскания в области осмыслиения функции западной части Грота Быка. Важно, что к средней и дальней части его тесно примыкали два «архивных» святилища (№ 60 и № 54); их можно рассматривать в совокупности как некий «треугольный» комплекс.

При входе в Грот Быка помещена надпись Аимдугуда, занимающая особое место в композиции из семи панно (№ 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24), на плафоне пещеры. Она составляет одну из частей панно № 19 (надпись «D»), в котором идет речь о ритуале зерна в Уре⁵⁰. Ритуал подкреплен ссылками на два авторитетных документа, очевидно, хранимых в архивах Каменной Могилы — ‘Табличку о Странствии Шестиголового Козерога’ и ‘Табличку о Странствии Муравья’. Первый замечателен тем, что заключал в себе новую систему предопределений (*gibil galam*); упоминания о ней имеются и в средней части грота (панно № 13). Кстати, в тексте панно № 15/16 тоже говорилось о некоем ‘новом Энлиле’ (*gibil en-lil*)⁵¹. Во второй табличке приводилась история прецедентов в ритуальной практике общины (шестикратная покупка демонами утукку закона ‘темной воды’, убийств мужей у священного дерева Крокодила)⁵². При этом высчитанное число ‘540’ (591×60 на месте $8 \times 60 = 480$), возможно, относилось ко времени функционирования ритуала: ‘540 лет назад’ могло означать 3130 г. до н. э. (когда пришли племена Уммы, то есть ‘дерева Крокодила’). Совершали убийства представители династии ‘червей’ — возможно, из-за поставок зерна, после чего бог Син из Ура решился на переселение из Загона Крокодила в Степи (где он был?) в Умму. Ур и Умма — чисто шумерские имена городов. По всей вероятности, события, описываемые в первой табличке, предшествовали тем, о которых говорилось во второй.

Выходило, если текст был правильно понят, что Аимдугуд в процессе решения спора о ‘зерне Ура’ восемь раз связывал своих врагов и убивал неких демонов, а также предков ‘по суду’ Царицы предисподней. Бог Уту делал то же самое, но не восемь, а десять раз.

Второй декрет Аимдугуда был помещен на расположенному севернее панно № 19. Здесь тоже текст подкреплялся авторитетом древней ‘Таблички о Странствии Муравья’⁵³. Он сообщал о четырех

богах, среди которых неожиданно появлялись два новых имени: к Энзу — лунному богу, предшественнику шумерского Сина и владыке Кеша, а также к Ниндаре, Разум имеющему, прибавились теперь семитский Ил и богиня Нидаба (Нисаба) ‘великая’. Во второй части декрета фигурировали — уже без ссылки на ставленный источник — система ME и ‘суд’. Аимдугуд, судивший предков по ‘Суду Воды’, очевидно, возвратил в ритуальную традицию ранее исключенных из священных списков цариц Кисаль (мать) и Сальтуш (дочь, равноценную по функции Нинлиль). В свое время они были, очевидно, изъяты из ритуальных словословий как «враги Энлиля», виновные в гибели верховного бога. Ведь и в шумерской поэме «Энлиль и Нинлиль», и в тексте замечательных панно № 48/а — № 37/4 Каменной Могилы повествуется о нисхождении бога в нижний мир из-за проклятий матери соблазненной им юной девы.

И, наконец, слева от панно № 19 была помещена последняя надпись — панно № 23, упоминающее имя царицы Салькаламдуг (вероятно, правившей уже после смерти Аимдугуда). В ней говорилось о суде над шумерским правителем Маргашем, без ссылки на определенный источник⁵⁴.

Таким образом, восстанавливается следующая картина. Святилище Грота Быка длиной 36 м, включавшее в свой сакральный локус и плиту № 29⁵⁵ с упоминанием ‘Суда Медведя с Лирой’ (находившуюся на таком же расстоянии снаружи), могло представлять собой интерьерно-экстерьерный комплекс. На рубеже пространств, при входе в Грот мыслился «земной суд» царей и цариц с их декретами о совершении земных дел. Дела были направлены на спасение «потустороннего» ‘зерна из Ура’ — некоей важной материи, связанной с жизнедеятельностью общины.

Страсти Ану-Энлиля, о которых шла речь в панно № 15/16, позволяют отнести их к древним мистериям приносимых в жертву лунных богов. Ясно также, что средняя часть Грота была каким-то образом связана с богом грозы Ишкуром и богиней зерна Ашнан.

В самом сокровенном месте комплекса в Гроте Быка среди девяти надписей помещен только один декрет Аимдугуда (надпись № 2)⁵⁶ — о введении в ритуальные списки Сухуралаля, исключенного некогда, подобно царицам Кисаль и Сальтуш, вероятно, тоже как «врага Энлиля». Прослеживается некая закономерность: в передней части комплекса среди «современных» царских текстов имеется лишь одна ритуальная запись — о богине Ашнан. В дальней же части, напротив, среди ряда сакральных — лишь одна «современная» — надпись Аимдугуда. Возможно, усиление древности текстов и их архаической информации по мере движения от входа вглубь было за-

нее спланировано. В этом святилище совершался ритуал возрождения умерших бого-царей.

В дальней, наиболее чтимой части комплекса — Гроте Быка — в надписи № 1 на плафоне подводился общий итог ритуалов — о зерне душ, взращенном на месте убийства ‘владыки Ану’. Оно называлось ‘зерном Ану’⁵⁷. Теперь уже солнечный бог Уту ‘связывал’ не просто ‘людей-мужей’ (dili), а полноправных граждан (lú₂). Очевидно, это было необходимо для получения Лиры, (‘отца тростников’ AD-gi-gi — впоследствии ‘советница души’), для ‘Суда Воды’. В завершающей надписи (№ 8) на карнизе Грота Быка говорится о том, как ‘великое семя Козерога’ (a-gal dar-a) посредством ‘Суда Воды’ трансформировалось в pab nin-dar-a giš-tuku ‘предка Ниндара, Разум имеющего’. В чем заключался ритуал, неизвестно. Здесь развивалась некая, еще неясная идея «тетрады», ритуального союза четырех богов (надпись № 5), четырех великих царей прошлого (надписи № 2–4), четырех судеб ‘зерна душ’ (надпись № 1).

Как можно понять из надписи № 5, ‘Суд Воды’, которому подвергалось ‘семя ануннаков’, сначала осуществляла Медведица, затем Птица. При последней ануннаки были убиты, и головы четырех лунных богов — Месламтаэ, Ашнан, Ниназу и Наннара, ‘Мужа возвращающегося’ — оказались посвященными Царице преисподней. Затем Намтар, бог судьбы, управлял ‘Судом Воды’. Это следует из надписи № 2, в которой говорится, что тогда ‘великая Ашнан’ направила к ‘Суду Воды’ ‘человека’ (dili). Под ним мог пониматься древний витязь (mes), осужденный ‘жребием Козленка’ Ианнны. Осужденного и, очевидно, тоже исключенного из священных списков Сухура-лаля восстановил в правах Аимдугуд. Тогда были ‘Праведные годы’, и судьей от имени богини Ашнан (причем ‘судьей великим’) выступал бог грозы Ишкур. Он вернул страдающего бога Энлиля, плененного людьми марзи (‘черви душ’). В те же ‘Праведные годы’, согласно надписи № 3, судил и бог Уту, который вместо Энлиля получил право распоряжаться (букв. ‘веять’ — līl₂) предопределениями (ME). Уту осудил трех предков, не убивая их, поскольку их души спас Крокодил, ‘удвоив’ или ‘спарив’ их. Вероятно, тогда же, в правление Уту, прекратились казни через умерщвление ‘предков’ из 50 кланов⁵⁸ (ср. 50 пар ME в шумерской традиции). Согласно надписи № 4, даже Ибаз, земной представитель Энлиля, имевший титул ‘великого судьи’ (tag-gal), изобретатель первой колесницы богов, на ‘Суде Воды’ ‘душу в воду не проливал’ (zi nu-a-dur₅). Он сохранял жизнь осужденным.

И только правитель Ламар, как повествует надпись № 3, опираясь на ‘закон судьбы’ (šu-nam), решил казнить осужденных ‘мудрецов, имеющих души’ (nun-gal zi-tuku). Случилось то в эпоху ‘Крыла великих владык Севера’ (PA en-gal urī). В эпоху ‘Семени Мыши’ (a-

kilim) этот Ламар, 'первосвященник маленьких' (sangu-tur), по 'закону жребия' (šu-kin) обрек на смерть 54 мудрецов.

Итак, мы опять сталкиваемся со священной тетрадой. Были три праведных (Намтар, Ибаз, Аимдугуд) и один неправедный правитель (Ламар). Были три правителя божественных (Намтар, Ибаз и Ламар) и один земной (Аимдугуд). Были три великих бога-мужчины (Месламтаэа, Ниназу, Наннар) и одна богиня-женщина (Ашнан). Но тетрада распадается на диады. Они отчетливо видны в делении богов на «возвращающихся» (Ашнан и Наннар) и «невозвращающихся» (Месламтаэа и Ниназу), на старых (Энзу и Ниндар) и новых (Нисаба и Ил). Они играли определенную роль в мистериях богов Ашнан и Ишкура, связанных с возрождением умерших душ посредством участия тотемов в 'Суде Воды'. Цифровые расчеты, помещенные при входе в Гrot Быка, должны были каким-то образом вплетаться в содержание темы, но смысл числового контекста сейчас совсем непонятен.

Южное святилище

Южное святилище представляло собой ряд каменных «столбов», пекрекрытых естественными «балками», на которых снизу были начертаны надписи, принадлежавшие громадным панно № 28, 27, 26, 25 и 44. Одним своим концом они находились близ самой «шляпки гриба», некогда покрывавшей Каменную Могилу. Но ряд плит — № 43, 33, 32, 31, 30 — помещались у самого входа в святилище. Между первыми и вторыми заключалось двенадцатиметровое «чистое» пространство. Включая это «свободное» поле, святилище имело протяженность 48 м.

При входе в него находилось панно № 30, текст которого сообщал об отправлении богиней Ашнан бога грозы Ишкура в рощу Гизи. Вероятно, «столбы» и представляли эту каменную «рощу» (gi-zi означает 'Тростник душ'). Следует отметить, что и поныне на месте высохшего Красного озера, отмеченного старыми исследователями Каменной Могилы, например, О. Н. Бадером⁵⁹, высится роща тростника. Ведь рядом протекает река Молочная с поросшими камышом берегами. В шумерское время тростниковые чащи связывались с 'малым Болотом' (в котором могли водиться карпы и сазаны) и были посвящены богу мудрости Энки⁶⁰. В том же панно № 30 сообщалось со сносной на документ (?) ёх,-dar-a 'веревка Козерога', о 'душах' (zi) и 'зерне' некоей 'царицы-улитки' (pup-um; как уже отмечалось ранее, им вместе с тем обозначает и 'табличку'). Соседнее панно № 31 заключало в себе ряд цифр, но их отношение к тексту пока неясно.

Можно предположить, что священная процесия, совершая ритуал, начиналась в Гровере Быка и выходила из него при заходении

солнца. Вступление в Южное святилище могло происходить в лучах восходящей луны. Возможно, ритуал был связан с 'прорастанием зерна' (*še-mý*₂), поскольку о 'зерне' шла речь в тексте панно № 51, связанном с Гротом Быка.

К сожалению, остальные панно Южного святилища (№ 32, 33, 43) пока не прочитаны, и потому привлечь их для прояснения назначения этого грота сейчас невозможно.

Отделенная «пустой» серединой от входа, дальняя часть Южного святилища хранила в себе «плиты следов» и «конские плиты» (№ 44, 25–28). Они находились в непосредственной близости от «шляпки гриба» Каменной Могилы. На панно № 44 имелось сообщение о божестве судьбы Намтаре, о зерне из Загона Крокодила и о 'покупке для святилища' (*èš, šámt₂*) — чего?⁶¹ Возможно, здесь тоже шла речь о торге с 'Водной могилой', судя по близрасположенному панно № 34/а. Еще далее вглубь, через двенадцать метров, можно было найти панно № 25 с его династиями «муравьев» и «червей», а также приписку Аимдугуда. Рядом была начертана надпись панно № 26 о создании первой колесницы 'героем' (*píg-gál*₁) бога Думузи и ее присуждении старшей дочери бога небес Ану — богине Бау, со ссылкой на 'большую табличку' (*um-gal*) о Странствии Муравья'. 'Колесница', состоявшая из 60 деревянных частей, у каждой из которых были свои 'предки' (*rāb*), представляла собой некий вещный универсум — что-то типа ритуального космоса и одновременно календаря⁶². И, наконец, в надписи панно № 27, в самом конце Южного святилища, где оно упиралось в массив остова «гриба» Каменной Могилы, говорилось о последствиях суда Ламара над 'мудрецами'. К сожалению, последнее панно № 28 Южного святилища пока не прочитано. Неизвестно, чем завершался ритуал 'колесницы' (или ритуал 'морской бездны'?) в деле возрождения богов-героев. 'Героя Думузи', очевидно, можно сопоставить с 'владыкой Думузи', одним из царей первой династии «муравьев». Он правил до появления цариц Кисаль и Сальтуш, которые «погубили» Энлиля, за что, очевидно, и были подвергнуты ритуальному «остракизму».

Северный грот

Северный грот состоял из ныне упавших и сползших вниз по песку плит № 38, № 7 (и отодвинувшихся в западном направлении № 8 и № 39), а также № 6, № 5 (с удалившейся к западу плитой № 40) и грота № 55⁶³. Это был не единственный грот, но целый комплекс связанных объектов, тянувшихся вглубь Каменной Могилы на 22–25 м.

При входе в святилище была начертана надпись, принадлежащая панно № 38. Она сообщала о Крокодиле, который везет на ла-

дые души в тростниковую рощу⁶⁴. Далее, вероятно, следовала плита № 39, отколотая от плиты № 7, с надписью об Инанне, ‘Матери Благой Страны’⁶⁵. Плита № 7, представляющая собой козырек грота в древности, тоже имела надпись. Она заключала текст о возвращении Энлиля богом грозы Ишкуром, а также о ‘возвращении зерна’ богиней Ашнан⁶⁶. Отделившись от козырька плита № 8 (она скатилась на запад и находится на расстоянии полуметра от плиты № 39) несет две цифры: 8 и 8, которые, скорее всего, должны были относиться к тексту об Ашнан.

Затем следовало панно № 6, на котором в глубине пещеры были начертаны знаки «в виде линейно-геометрических начертаний»⁶⁷. Надпись была посвящена ‘Суду Воды’, в котором участвовали подземные демоны ануннаки и утуги, связанные с произращением зерна. Плита № 40, отколотая от грота № 5 и скатившаяся в западную сторону, имела надпись (еще не дешифрованную), в которой заключалось изображение теленка в зарослях тростника или терновника⁶⁸. На самом панно грота № 5 помещались «танцующий человечек» (бог Ану)⁶⁹ и некий SAG х ѿ ‘голова зерна’ или, возможно, древний бог неба Ураш. В надписи упоминался чудовищный дельфин со змеиной шеей — Хумун (-Сару)⁷⁰. Основная надпись панно № 5 сообщала о главных тотемах, персонажах ритуальной истории — Огненном Льве, Медведе (или Медведице) с Лирой, Преклоненным Тельце и Мертвце⁷¹. Любопытно, что плафон грота № 5 был сильно закопчен — здесь, очевидно, жгли огонь⁷². Далее следовала пещера № 55, в которой находилось высеченное из камня изображение головы вишапа (чудовища-рыбы) с избитым носом⁷³. Внизу были найдены осколки вместе с молотом, которым совершали удары⁷⁴. Сирару били «по лицу», как позднее будут бить вавилонского бого-царя Мардука⁷⁵ в момент его возрождения. Следы ритуала сохранились от части и в греческой традиции, где известно битье по лицу царем «сироты» Харилы⁷⁶ или же аналогичные намерения Афродиты в отношении Эрота⁷⁷.

Итак, святилище Сирары было посвящено ритуалу возрождения природы, связанного со вспашкой земли. Очевидно, его совершили пять священных особ: Огненный Лев, Медведь/Медведица с Лирой, Преклоненный Телец, Мертвец и Козерог. Для этой цели они ‘спаривали’ МЕ у священного дерева.

Мы намечаем лишь основные вехи для возможности понимания текстов Каменной Могилы и святилищ, в которых они составляли некогда часть действующего ритуала, а много спустя — «мертвый» письменный архив. Интерпретировать его очень трудно. Зафиксированные в текстах ритуальные формулы могут быть верно поняты лишь в древнем контексте, а он неизвестен. Ясно лишь, что совер-

шалась мистерия смерти-возрождения богов и царей, связанная в эпоху земледелия с ритуалом смерти-возрождения зерна. Таким образом, перед нами далекий предшественник действ типа греческих Элевсинских мистерий⁷⁸. При этом нужно иметь в виду, что 'зерно' появилось отнюдь не в IV-III тыс. до н. э., как то обычно считается⁷⁹. Под 'зерном' могли понимать его растительный эквивалент⁸⁰ — например, семена и луковицы трав и цветов, почитание которых засвидетельствовано еще в эпоху палеолита⁸¹.

Северо-Восточное святилище

Это святилище некогда тянулось параллельно Северному. К нему принадлежали впоследствии упавшие и сползшие вниз плиты № 50, 4, 3, 2, 1. Протяженность святилища около 12 м⁸².

Плита № 50 с единственной надписью на древнем плафоне ('Суд Воды') откололась от некогда бывшего козырька святилища и откатилась от него на расстояние 4,5 м в северо-западную сторону⁸³. Она оказалась поблизости от также упавшей плиты № 38. Причем плита наклонилась на запад, где сейчас пролегает «проход» между плитами Северного и Северо-Восточного святилищ.

Уже в древности от плиты № 8 откололась плита № 4, углубившаяся в песок своим западным углом под 40°⁸⁴. На этой плите-коzyрьке начертана надпись размером 3 кв. м. В ней упомянуты осуждаемые на смерть боги Ану и Думузи, а также судьи Ниндара, Гатумдуг и др.⁸⁵ На плите № 3, лежащей сегодня горизонтально (некогда единый блок песчаника раскололся на три части — плиты № 3, 4 и 2), «числовые надписи» были даны по карнизам. Один ряд черт мог относиться к богу Думузи, обозначая какие-то его сроки, а другой — к Утуапилю. Другой карниз панно № 3, из 25 черточек, был нанесен в противоположном его конце (ближе к плите № 2)⁸⁶. Что означают эти цифры и к чему они относятся, сейчас неизвестно. Плита № 2, представлявшая собой огромную глыбу объемом 200 куб. м, лежит в начале склона и образует у стены массива «гриба» юго-западный проход 10 м длиной и 2,5 м шириной⁸⁷. Она наклонилась в северо-восточную сторону. В центре ее нижней части, которая представляла собой плафон пещеры или грота, были даны цифровые расчеты или обозначения каких-то ритуальных сроков и дат⁸⁸. И наконец, внутри «гриба» расположен карниз, принадлежавший когда-то большей пещере «в глубине мысообразного пространства, образованного в результате развала основного монолита холма»⁸⁹. На карнизе помещена protoшумерская надпись панно № 1: *nin-dar-a zi-mú, a-ab.zu kud* 'Ниндара душу растит (и) семя (или воду) Бездны судит'.

Ниндара в древних шумерских текстах — семиголовая змея⁹⁰. Ясно, что она является олицетворением, «параллельным» образом

самой водной Бездны — Абзу, она творит мир из хаоса. Поэтому Ниндара причастна к смерти-рождению не только мира, но и населяющих его душ. Возможно, Ниндара имела еще одно воплощение — в виде того вишапа Сиары, который был высечен в близлежащем святилище.

Затем следовала вереница цифр мифических бого-царей. Ближе к выходу из святилища упоминалась Гатумдуг из Степи⁹¹. И, наконец, при самом выходе стояло только одно слово: ‘Суд Воды’⁹². С ним могли быть связаны Ану и Думузи — смертные герои-боги. Для Уту-паиля, любимца Инанны, очевидно, оставалось ‘Странствие’, как и для Крокодила в соседнем святилище. Были ли это разные формы или разные этапы движения от смерти к жизни?

Возможно, со времени появления глубоких расколов монолита Каменной Могилы они стали осмысливаться образно — как ущелья, потусторонние пути-проходы. В них могло совершаться Странствие Уту-паиля или Кушу — на солнечной ладье. От Северного святилища к полуоткрытыму Южному вел именно этот путь, настоящая значимость которого еще будет выясняться далее.

Восточное святилище

Пропасть, в которой обитала семиголовая богиня-змея Ниндара — воплощение Бездны — несомненно, выступала мифоритуальным понятием. В ней и проходил процесс претворения мертвых в живых. Подвергались такой процедуре боги-мужчины. Есть основание думать, что одним из первых страдальцев был солнечный Уту-паиль, затем Ану, а за ним — Энлиль. Цикл мистерий Энлиля, бога-страдальца, вынужденного периодически претерпевать смерть, сложился, возможно, уже к VII тыс. до н. э. Энлилю принадлежит на Каменной Могиле одно из наиболее значительных мест. О его страстях повествовали тексты гротов № 48 и № 37, возле ‘ущелья Севера’ Ниндары, древнейшая Пещера-Гrot Колдуна (№ 52). Заканчивались они у плиты-дольмена № 34/А⁹³ и в, у самого входа в Южное святилище. Восточное святилище, имевшее протяженность около 60 м, должно было быть особо значимым в ритуальном комплексе памятника. Но представить его на глядно сейчас едва ли возможно. Несомненно, это было грандиозное, по шумерским понятиям, ‘тайное святилище’ (eš,-ḥal). О функции его природная архитектура пока ничего не говорит, и некоторые сведения можно почерпнуть лишь из содержания надписей.

Вход в святилище вел с севера. Сразу при входе в него так называемую Пещеру № 36 на панно была изображена знаменитая фигура бегущей или летящей богини, поражающей копьем бога небес (владыку Ану)?⁹⁴. Что очень важно, здесь находился еще один, чет-

вертый архив каменных табличек⁹⁵. Он располагался на одинаковом расстоянии от архивов Грота Козы (№ 60) на западе и Пещеры Колдуна (№ 52) на востоке. Включение этого архива в прежде описанную систему треугольника приводит к образованию фигуры ромба. Ромб по-шумерски означает *dÙg*, ‘благо’. Ритуальное происхождение ‘блага’ в шумерских текстах — из водной Бездны (*engur*). Не исключено, что образ водной Бездны присутствовал на Каменной Могиле издавна. Это могли быть потоки воды, оставившие следы на промытых ими камнях — остатки водопада палеолитических времен. А может быть, водной Бездной считалось ущелье, надвое расколотвшее «гриб» памятника, или подземная «система пещер», ведшая от Грота Быка (№ 9) к Пещере Колдуна (№ 52). Между ними должна находиться гипотетическая Центральная Пещера, западная плита которой, по сообщению Б.Д. Михайлова, чуть приподнялась возле Грота Быка осенью 1996 г.

В тексте панно № 47 и 48/а, продолжением которого является панно № 37/4, говорится о преступлении Энлиля и его наказании смертью⁹⁶. В преамбуле этой древнейшей мистерии, отраженной в поэме «Энлиль и Нинлиль»⁹⁷, сообщается, что бог черной луны Син (или ‘Тридцатка’ — ‘30’) — он, очевидно, заменил более древнего Крокодила (Кушу)⁹⁸ — судил ‘великих предков’ в Эбле. Чтобы склонить к любви юную Нинлиль, Энлиль прибег к заклинаниям, которые обычно фигурировали в ритуалах воздействия на природу (например, умиротворение стихий). Боги были бессильны перед ними. Тогда мать девы прокляла Энлиля за это преступление, и он отправился в ‘ущелье Севера’ (Север и Аккад в шумерской традиции идентичны)⁹⁹. Вслед за тем три бога — Думузи, Ниндара и Гатумдуг — совершили ритуал расстреливания из лука небесного полога, и из образовавшихся дыр-звезд, по пророчеству ночного бога Сина, хлынули воды Эблы. Тогда богиня Инанна была вынуждена бросить свой ‘жребий Козленка’, и ‘преступный’ Энлиль, осужденный ‘семьей’, отправился на корабле к подземной Царице. Он умирает, а мудрецы и жрецы совершают ритуал ‘развязывания (возрождения) зерна’ бога-Крокодила Кушу.

К сожалению, другие панно в этом месте (№ 36/а-в, № 37/1-3, № 46 и др.) остались пока не переведенными, и иные детали обряда пока неизвестны. Как и в каком образе появлялся Энлиль в средней части Восточного святилища? Какую роль играл мудрец-колдун в этом действе? Отразились ли сюжеты мистерий Энлиля (или его предшественника Ану) в обряде ‘блуждания’¹⁰⁰, аналогичном блужданию Гильгамеша — солнечного бога — через ‘одиннадцать поприщ’ и ‘сады Сидури’?

Поскольку ‘сады Сидури’ в данной реконструкции играют особую роль, о них следует сказать несколько слов¹⁰¹. Образ ‘садов’ при-

существует в «Эпосе о Гильгамеше»¹⁰², хотя и в фрагментарном состоянии. В эти ‘сады’ Гильгамеш попал в поисках бессмертия. Там находились деревья, на которых вместо плодов висели самоцветы, — ‘сады’ были каменными, а деревья их могли приносить как счастье, так и горе. Гильгамеша постигла неудача: подобно впавшему в безумие Гераклу, который убил своих детей при объявлении ему воли богов (для достижения бессмертия необходимо совершить двенадцать подвигов)¹⁰³, Гильгамеш разбил в каменных ‘садах’ какие-то ‘идолы’ (вероятно, свои счастливые камни)¹⁰⁴. Далее его путь пролегал через Огненную реку, отделявшую мир живых от мира умерших, и герой смог пересечь ее лишь благодаря постоянно сжигаемым деревянным шестам¹⁰⁵. Стало быть, ‘сады’ находились на границе миров подобно греческому «саду Гесперид» с растущими в нем бессмертными плодами¹⁰⁶ (добытыми в одном из последних подвигов Гераклом — греческим Гильгамешем). Они могли воспроизводиться в структуре святилища, храма и дома. Во всяком случае, ‘сады’ реконструированы для Фестского дворца на Крите и ряда других древних комплексов¹⁰⁷.

Если допустить, что и Каменная Могила представляла собой аналогичный ритуальный путь, то последнее ‘поприще’¹⁰⁸, двенадцатое, могло быть Пещерой Колдуна (№ 52). Главный герой каменно-могильских текстов, возрождаемый Энлиль, должен был пройти под открытым небом до каменных столпов с перекрытием. Там находилось знаменательное панно № 34/А, на потолке которого выгравирована история конца его похождений: бог Энзу, ‘владыка знаний’, вернулся к святилищу убитых героев у Тутового Дерева¹⁰⁹ (так, возможно, называлось место нахождения дольмена у панно № 34/А). В то время Энки, впервые проявившийся в ‘садах Сидури’ (панно № 5), изрек судьбу трем другим богам (Месламтаэа, Ниназу и Наннару): «Это головы Царицы»¹¹⁰. Еще в Гроте Быка была зафиксирована тема трех праведных и одного преступного царя. Здесь в этой роли выступают боги, только из тетрады исключена Ашнан, замененная Энзу (впрочем, в шумерской традиции она становится его супругой)¹¹¹. По решению Ишкура Энки провозглашает другое: если Уту осудит ‘правителей моря’, произойдет нечто со святилищем у ‘расщелины Севера’. Далее события развиваются так: Энлиль возвращается из Кеша (Пещера Колдуна № 52), ибо сестра его Ашнан (наша Сидури?) сопреживает святилище по имени ‘Древо Душ’, способствовавшее возрождению умерших (посеянных зерен)¹¹².

Судя по тексту на сосуде из Ярым-тепе II, после того как Уту прекратил музыку (‘завязал Лиру’ Гатумдуг), Энлиль получил у Инанны, Матери Благой Страны, ‘рощу Бездны’ в Кеше¹¹³. Выходит, что рядом с ‘роющей Кеша’ находятся и Тутовое Дерево, и Тamarиск, и

Древо Душ. Все это пребывает в ‘садах Сидури’¹¹⁴. Там же расположена и каменная роща тростников — Гизи. Тогда вместо Энлиля странствие вынужден был познать Уту, совершивший преступление против Гатумдуг. Но вот Сухуршабгал ударил в Северном святилище вишапа (Сирару)¹¹⁵, и Намтар в Южном святилище вернул себе свободу. Тогда, после нарушения равновесия усилившегося Севера и ослабевшего Юга в ритуале (Намтару-судьбе не было соперников), суд Царицы перешел к Крокодилу из Загона (на юге), а Свинье из Ледяного Болота подчинились и Гештин, и Ниндара, Разум имеющий, и Ниндара — семиголовая змея, владычица «ущелья» (перед этим уже очищенная Намтаром от скверны задержания Энлиля)¹¹⁶. А в водном ‘святилище душ’ (на севере), через которое плыл Крокодил Кушу, вторая сестра Энлиля, Гатумдуг, сама судила предков, ибо в это время происходила купля-продажа всех сакральных вещей¹¹⁷. Тогда Энлильпаиль (на юге) подобно Гильгамешу, отправившемуся к Зиусудре на ладью, своими заклинаниями стал очищать (на севере) сиященную реку Идигну (= Нунбирду). Как только Энлиль совершил свой героический поступок, Сухуршабгал из Северного святилища, став виночерпием Инанны (на юге), все вернул своей богине, и ‘Суд Воды’, и ‘водное святилище’¹¹⁸. Этим обрядом он восстановил мир и равновесие в среде богов.

Завершая обзор пяти святилищ сакрального комплекса Каменной Могилы, хотелось бы обратить внимание на его связь с ближневосточной традицией в ассирийском ее варианте (Ассирия была прямой наследницей древнего творчестваprotoшумеров). Я имею в виду ритуальные основы планировки святилищ, которые были издавна продиктованы «заветами предков». Есть ли какая-либо связь между ритуальным планом ассирийского храма-дома, выясненная мной в общих чертах в одной из последних статей¹¹⁹, и сакральным планом Каменной Могилы? В данном случае нас не особенно должно волновать то обстоятельство, что Каменная Могила — нерукотворный памятник, а ассирийский храм-дом сотворялся руками человека. Все дело в сходстве мировоззренческих и ритуально-художественных принципов.

Сакральная топография шумеро-вавилонского храма предполагала наличие прямоугольного пространства, составляющего систему двух дворов, Внешнего (*kisal-bar*) и Внутреннего (*mud*), из которых первый был наполнен охранными божествами и демонами, а во втором помещалось средоточие жизни — Внутренний Дом (*é, mud*) и святая святых — Кумми (*kummi*). Кумми являлась местом конечной цели входившего в храм и одновременно местом его возвращения на новый круг сакрального пути. Образ божества, которому посвящен храм, давно утратил свою принципиально тотемную форму.

Но на Каменной Могиле она еще просматривается. Каменная Могила имеет хотя и стертый, но достаточно внятный пластический образ лежащего существа с вытянутыми передними и задними ногами, обозначенной головой и хребтом. Голова обращена на север. Возможно, в нем виделся священный Козерог (*dara*) или Козленок (*māš*), игравший столь большую роль в шумерской традиции. Шестидесятиметровая «спина» этого существа, вдоль которой располагалось святилище, могла быть осмыслена как граница двух пространств. В ритуальном плане ассирио-аввилонского храма-дома такая граница обозначала рубеж между Внутренним Домом (в понятие которого входила и Гора Маш)¹²⁰ и Внешним Двором с его многочисленными стражами.

«Ноги» тотемного существа представляли собой четыре остальные святилища. Передние две «ноги» — двенадцатиметровое Северо-Восточное святилище и двадцатичетырехметровое Северное — позже стали ē₂-пип ‘храмом Царицы’ или *kumtī*. Гrot-Пещера Быка имел прямое отношение к Внутреннему Дому (*ē₂-mud*), где должны были проходить драматические мистерии. И, наконец, две задние «ноги» Козленка-Козерога были связаны с каменными ‘садами Сидури’. ‘Сады’ некогда ассоциировались с Кумми как сферой гибели-возрождения древних героев-богов и даже отдельных царей-витязей. Вторая Гора близ Каменной Могилы в этой системе должна была ассоциироваться с горой Катарпой (‘Гора Ветви (или Крыла) Осы’). Сейчас она высится в виде небольшого холма за зданием музея. Современные заросли камыша, или тростника, находятся между Каменной Могилой и музейным зданием возле «Катарпы» на месте бывшего Красного озера¹²¹. Оно тождественно Внешнему Двору, в сакральной топографии игравшему роль хаотической водной стихии, из глубин которой поднимается священный храм-дом. Внутри двора находился холм Дуку (Холм Серебра), место смерти-возрождения шумерских лунных богов¹²². Рядом с тростниковой чащей пребывали стражи — пять пар ритуальных собак разного цвета, а у самой Каменной Могилы — пара сражающихся героев-близнецов Латарака и Нинурты (=Ламара)¹²³.

Таким образом, Каменная Могила уже в позднем палеолите могла осмысливаться как священный комплекс, своего рода храм с очень сложной структурой, соответствовавшей представлениям древних о таинстве возрождения богов, героев, а затем и смертных царей — представителей общины людей уже в реальном мире.